

А.С.Ахиезер
ФИЛОСОФИЯ КАТАСТРОФИЧЕСКОГО МИРА
К ВЫХОДУ В СВЕТ ДВУХТОМНИКА В.С.БИБЛЕРА

**Библер В.С. Замыслы: В 2 кн. - М.: Российский
государственный гуманитарный университет, 2002. - 1120 с.**

В 2002 г. в Москве вышел двухтомник [1] российского философа Владимира Библиера, философа божьей милостью. Осмысление его достижений еще только начинается.

Многие считают, что творец каждой новой философской системы находился во власти сугубо личных, неизъяснимых движений собственного духа. Если это и так, то это не перечеркивает опыт истории философии, который свидетельствует, что собственный дух философа всегда находится в сложном отношении с духом, с заботами общества. Важнейшая идея Библиера заключается в необходимости и реальности возникновении современного типа Разума, отличного от разумов доминирующих в прошлом, то есть античного, средневекового, нового времени, а возможно и других типов. Философ констатирует развитие новых возможностей человека осмыслять новые реалии, новые ракурсы бытия. Потребность в новом разуме, а следовательно и в соответствующей ему новой логике, результат мощных и важных процессов современного мира. Мир становится все более сложным и в результате этого, все более опасным. Причина очевидна. Выжить, сохранить, наращивать жизнеспособность в более сложном и опасном мире люди могут лишь в том случае, если соответственно сумеют повысить свой творческий потенциал, свои способности формулировать и решать все более сложные проблемы. Угрозу этому процессу Библиер видел прежде не столько в реальных, потенциальных природных, техногенных катастрофах, сколько в катастрофах разума. Он писал: «Постоянная угроза хиросимского, чернобыльского комплекса нависает над человеческим мышлением, и скорее не проблема начала, не проблема переосмысления исходных начал, но проблема окончания мышления, окончания человеческого бытия в целом стоит как тяжелая нависающая угроза над всем мышлением XX века - сознает это человек достаточно глубоко или не сознает» [1, с. 926]. Эта пронизанная глубоким трагизмом мысль, гуманистическая озабоченность о судьбах человечества пронизывает все творчество философа. Эта позиция принципиально отлична от позиции большинства экологов, склонных видеть за ростом опасностей злую волю, аморальную корысть определенных групп, но не опасность угрожающую самому ра-

зуму человека, угрожающую философии как элитарному профессиональному проявлению озабоченности человека о себе, о мире.

Эта проблема возникла вместе с появлением людей, хотя именно в современном мире она стала особенно острой, предметом особой озабоченности. Сегодня рецепты умудренных опытом древних пророков, недавних авторитетов, даже признанных классиками, могут быть не только непригодными, но и опасными. Людям необходимо знать, как осмыслить динамичный, усложняющийся мир за пределами собственного огорода. Эта проблема необходимого типа мышления была осознана, осмыслена вместе с возникновением философии. В Древней Греции философия утверждала, что мир следует понимать как целое, распадающееся на множество частей и одновременно как множество, составляющее целое. Потребность в подобном представлении могла возникнуть лишь тогда, когда старый мифологический мир распадался, когда выявилась неспособность мифа представить изменившуюся реальность как комфортную, пригодную для жизни значительной части общества. В мифологические времена люди представляли, как устроен космос. Это представление казалось неизменным. Возникновение философии было ответом на крушение этой веры. Философия опиралась на способность осознанно формулировать новые представления о мире. Чем сложнее становился мир, тем оказывалось труднее удовлетворять потребность в адекватном описании каждый раз изменившегося мира. В ответ на эту трудность в истории философии происходило смещение предмета философии к формированию методов решения этой задачи, к методам познания. Среди них можно указать на концепции Р.Декарта и Ф.Бэкона. Этот подход, по крайней мере в тенденции, был озабочен потребностью повышения потенциала людей решать все более сложные проблемы.

Какое же решение предлагает Библер нашему все более сложному и опасному миру? Он перевел старую проблему греческой философии на современный язык. Для него идея, с одной стороны, продукт, результат сосредоточения понятий, с другой - это исток, начало бесчисленного множества новых понятий, частных идей, переплетений, высказываний [2, с. 381]. Его философствование пронизано стремлением выявить соотношение этих двух путей, присущих всем историческим типам разума, разными путями вплоть до нацеленности современной логики на «диалог целостных логик культуры». Наиболее ярко новизна философии Библера выявляется при рассмотрении ее преемственности и одновременно противоположности немецкой классической философии, к которой вполне можно причислить и Маркса. Библер глубоко осознал неудовлетворительность монологической Логики Гегеля в изменяющемся мире, ее неспособность избежать катастрофического разрыва с потоками научных знаний, мало считающихся с заданной Логикой. Если Гегель пытался формировать единственную монологическую Логiku, то философствование Библера подняло рефлексию философствования на уровень способности пе-

переходов от одной логики всеобщего к другой, выдвигая на первый план постоянный поиск нового начала, нового разума. Библер своим радикальным решением изменил центр тяжести философствования, направляя его к переходам между логиками, где происходит трансдукция, т. е. взаимообоснование логик [1, с. 323]. Именно здесь раскрывается глубокая дуальная сущность культуры, мышления субъекта. Специфика современной логики по Библеру заключается в полифонии всех исторических разумов, логик включая логику классической науки. Если для Гегеля рефлексия происходила как шествие единого всеобщего, то философствование Библиера подняло рефлексию на уровень способности к переходам от доминирования одной логики всеобщего к доминированию другого всеобщего, его логики. Это радикальное решение в философии, по сути, обращалось ко все той же старой задаче, сформулированной в античности, требующей новых решений, отвечающих изменению человеческой деятельности, усложнению подлежащих формулировке и разрешению проблем.

Библер ищет механизм формирования нового всеобщего в способностях личности, в ее потенциале, что фактически приводит философа к специфической концепции человека. У Библиера все пронизано идеей, что «человеческий интеллект обязательно двухфокусен - он опирается и на «образ мира» (для «очей разума»), и на явления этого образа, этого разумения в словах, в рассудке» [3, с. 231]. Отсюда пронизывающая всю философию Библиера идея челнока, т. е. субъекта, мысленно снующего между полюсами двойственности. Все логики разума дуальны, т. е. с одной стороны, нацелены на целостность, цело-купность, с другой, на умножение аналитического знания. Каждый из этих аспектов может рассматриваться как основание другого, что прокладывает путь к новой логике. Она возникает как результат функционирования челнока, способности личности, погружаясь в двойственность собственного разума, искать его новую форму, углублять его потенции. Человек постоянно перепроверяет, соотносит эти два полюса, два фокуса мысли и вне такого соотношения и сопряжения вообще не мыслит [3, с. 231]. Челнок может связывать два расщепленных берега человеческой мысли, два противоположных определения всеобщего [3, с. 316], объединить их в идее.

В чем же причина двухфокусности человеческого мышления? Она лежит в самой специфике человека, в его способности к самодетерминации, *causa sui* [4, с. 70]. Человек мыслит по логике чисто причинных и одновременно чисто телеологических определений [4, с. 69]. Отсюда нетождественность человека самому себе, внутренние парадоксы само детерминации индивида [4, с. 82].

В этой чисто человеческой способности лежит основа выхода человека за рамки сложившейся логики, смены логик. «Логика, доводя до предела логическую дедукцию из неких начал ... в конце своего движения обнаруживает необходимость переосмыслить эти начала - в перспективе некой новой, только еще возможной» логики [1, с. 239].

Это происходит через общение логических умов. Речь идет об общении уникальных, несводимых друг к другу, но - диалогически обращенных друг к другу культур каждая из которых всеобща и бесконечна богата потенциальными смыслами. Происходит трансдукция, т. е. диалог исторических культур, возможно, еще не осуществленных, порождающий новое всеобщее, новую логику, новый тип Разума, возникающий через диалог. Диалог и есть реальная жизнь культуры, получения творческого результата.

Возникновение новой логики опирается на все накопленное богатство культуры, на способность людей погружаясь в нее, создавать *произведения*, включающие формирование новых связей, форм общения, новых диалогов. Способность создавать *произведение* Библер рассматривал как суть культуры. Вся мировая культура предстает перед человеком как возможность получения желаемого результата через формирование произведений, каждое из которых может соединять по новому любые элементы культуры, преодолевая историческую дифференциацию культуры, ее границы, разделяющие ее во времени и пространстве.

Произведение рассматривалось как результат творчества личности, которое в своем внутреннем диалоге вступает в общение с потенциально бесконечным количеством разнообразнейших результатов творчества людей, имевших место в любых эпохах. Общение не внешний действующий фактор для человека, оно «необходимое *внутреннее определение самого индивида, а не того, что с ним происходит, или во что он включается*» [4, с. 53]. Личность творца создает новое произведение, которое является результатом новых форм диалогического общения, что открывает путь этому. Крайне важно, что произведение это не только то, что мы обычно понимаем под этим словом - картины, музыкальные произведения, литературные тексты и так далее. Библер трактует эту категорию в самом широком смысле слова, включая исторические типы логики, возникающие в разные периоды истории, лежащие в основе типов человеческого разума. Произведением является человеческое общество, все его элементы, все инновации, государство, все институты, вся культура, каждый формируемый смысл.

Культура как бы в каждый миг одновременно предстает во всей своей глубине, разнообразии, что открывает безграничные творческие возможности субъекту. Человек как бы вживляет себя в произведения искусства, в живопись, в музыку, в поэтическую речь, он транслирует свою способность общения, вживляя в свое бытие иное бытие [4, с. 60]. Например, в живописи человек развивает способность «видеть свое видение мира», отстраненное от него самого, развивать рефлексивность [4, с. 47]. Библер полагает, что каждый феномен культуры обладает бесконечными резервами общения внутри культуры, трансформации, через произведения, охватывающими как прошлое, так и будущее, обладает резервами способности изменить как причинное, так и целевое содержание (смысл) [4, с. 89]. Библер четко формулиру-

ет, что в противоположность гегелевской логике «форма логического движения берется «из искусства, из поэзии, как чистой (самоцельной) формы *общения*» [1, с. 147]. Библер перемещает в эту сферу саму основу философствования. Искусство, поэзия освобождаются от подозрения в том, что они возникают, замышляются для какой-либо цели, лежащей вне их собственной природы, например, как средство для последующих поисков новой логики. Роль искусства в том, что оно порождает неутилитарную самоценность творчества, без чего формирование логики невозможно. Но это не значит, что в рамках искусства возможно прямо и непосредственно сформулировать и выявить новую логику. Ее поиск обусловлен способностью субъекта во всем богатстве искусства, в которое он втягивается произведениями, постоянно устанавливая новые связи, изменять «*причинную, так и потенциальную* (целевую) направленность своего содержания (смысла) [4, с. 89], т. е. погружаться в возрастающее культурное разнообразие и одновременно его создавать, наращивать, формируя произведения. Эта непрерывно действующее массовое творчество открывает путь пытливному квалифицированному, ответственному субъекту для поиска новой логики.

В создании произведений культура как бы в каждый миг одновременно предстает во всей своей исторической глубине, реальности, разнообразии, потенциальной бесконечности. Культура в мышлении субъекта как бы сжимается в точку вне времени и пространства, чтобы затем развернуться, превратиться в произведение. Библер выдвигает идею, что в голове человека находится некий исходный речевой челнок, ткущий его осмысленную жизнь, используя все богатство культуры, ее бесконечный потенциал общения. Ткань свершений бесконечно разнообразна. Результат зависит от исходных творческих и жизненных интересов, возможностей их свободного претворения. Интересно, что эта возможность может реализовываться только находясь в «собственности» одного человека: только до тех пор, пока человек одинок и независим; пока для него насущен другой человек как альтер эго [2, с. 414]. Этот может быть каждый человек, обладающей соответствующей квалификацией и чувством ответственности. Язык и искусство выступают как лаборатория инноваций. Налицо проработанный, содержательный анализ важнейших аспектов личностных потенциалов.

Субъект *оживляет* себя в произведения искусства, в живопись, в музыку, в поэтическую речь и, тем самым, продолжает *оживлять* в свое бытие иное бытие [4, с. 60]. Иначе говоря, накопленное в истории богатство культуры, находящимся в единстве с отношениями людей, соответствующими формами общения, создают предпосылки для бесконечных новых комбинаций в культуре, основы для новых идей. Субъект создает новые логики, погружаясь в мировую культуру не ограничиваясь лишь тем, что ему кажется актуальным, современным, утилитарно полезным. Здесь заложен непривычный для далекого от

этих предметов людей принцип - поиск истоков творческого потенциала в мировой культуре. Процесс возникновения новой логики не включает временное измерение, из трансдукции исчезают категории, органически связанные со временем. «Снимается идея снятия в идее диалога» [1, с. 227]. Из логики исключаются категории обобщения, эволюции, синтеза. Диалог и снятие разводятся как противоположности. Хотя этот подход меняет привычные представления о механизмах формирования культурных инноваций, тем не менее нельзя не признать, что инновации в культуре требуют логического материала независимо от их давности, требует свертывание всех логических определений, что как раз и требует рассматривать разновременные моменты мысли как одновременные [5, с. 251]. Библер считает, что время культуры - всегда - *настоящее* [5, с. 298]. Это логично, но лишь в том случае, если культуру рассматривать как произведение, не знающее запретов на свои источники во времени и пространстве, как способность сжимать ее в точку, а затем разворачивать

Формирование нового разума, новой логики является одновременно аспектом развития механизма человеческой свободы. Свобода понималась Библером прежде всего как свобода поиска новой логики, как движение к свободе в деле развитой способности преодолевать культуру, принимаемую как заданный человеку рок, как абсолютная заданность. Эта идея, кстати говоря, присуща традиционным культурам. Уровень свободы должен быть тем выше, чем сложнее сама задача. Свобода необходима для самого мыслителя, для того, чтобы он почувствовал неодолимую склонность к решению этой проблемы, имел возможность выбрать, создать условия для своего творчества. Она необходима для того, чтобы люди, способные участвовать в этом процессе, также имели возможность включиться в соответствующий диалог, освоить их результаты. Свобода необходима для распространения соответствующих идей.

Свобода не внешнее условие, но внутренняя необходимость самого процесса творчества, диалога во всех ее формах, возникновения новой логики, трансдукции. Необходимый уровень свободы фиксирован в любой деятельности. Развитие науки с определенного уровня сложности деятельности стало возможным лишь в странах, вставших на путь реализации наследия осевого времени, свободы мысли, творчества. Свобода личности на определенной ступени своего развития включает представление о том, что каждый человек потенциальный носитель всеобщего разума. Потенциально количество исторически разумов, логик может возрастать, быть неопределенно большим, каждый может создавать свое всеобщее, способное именно как всеобщее, общаться с другими людьми, как субъектами всеобщего. Свобода выражается в том, что в культуре, в произведениях преодолевается детерминация человека «извне» (из экономики, из космоса, из среды) и «изнутри» (фрейдистски или мистически понимаемого). [2, с. 424]. Это означает, что человек берет на себя полную авторскую ответствен-

ность за свое поведение, за жизнь своих близких, за исторические повороты, за создаваемое им произведение. Библер пишет о логической ответственности [5, с. 137]. Речь идет об ответственности не только за формирование логики, но и за свои действия по этой логике в мире, ответственности за мир на основе доминирования определенной логики, способности смены доминирующей логики.

Центральное место в концепции Библера занимает осознание того обескураживающего обстоятельства, что использование любых логик не приводят к абсолютному совпадению результатов движения от целого к частям, и наоборот. Возможно лишь приближенное решение. В любом логическом разуме образуется явление, которое Библер определяет рядом слов: зазор, логическая пустота, антиномия, промежуток, пропасть, лакуна и т. д. Возможно здесь подходила бы категория «противоречие», но для Библера она неприемлема, так как по Гегелю противоречие имеет место всего лишь между атрибутами одного субъекта. Проблема глубже. Библер говорит о «логической катастрофе». Высокая конфликтность в России позволяет использовать в данном случае представление о расколе.

Этот зазор, раскол не очевиден, но выявляется лишь на основе усложнения проблем общества, на основе повышения квалификации, ответственности философствующего субъекта, развития его способности к исследованию логики. Библер с большим мастерством дал образцы такого исследования. Выявление зазора может происходить подчас мучительно медленно. Галилей, например, видит это явление (или его отсутствие) «как бы сквозь туман» [3, с. 221]. Библер находит этот феномен у Галилея, где налицо парадоксальное сочетание двух взаимоисключающих утверждений: с одной стороны «природа, чувства, опыт» изначальны, с другой, «чувства и опыт должны подчиняться диктату разума, даже насилию разума [5, с. 219], что дает картину «неукротимого парадокса» [3, с. 219]. Анализ логики Канта показывает, что разум приходит в антиномическое противоречие с самим собой [3, с. 162]. Эта возможность лишь относительного, ограниченного решения старой задачи не частный случай, но постоянно возникающее явление, определяемое логикой самодетерминации человека, прежде всего, неизбежным расхождением между причинной и телеологической детерминациями, что имеет всеобщее значение. Не следует забывать, что логика Гегеля, Канта не личная проблема каждого из них, но проблема науки своего времени, проблема в тех или иных формах элитарного мышления, что это в конечном итоге всеобщая проблема.

Старая идея греческой философии обернулась, следовательно, своей ранее скрытой стороной. Тем самым разыгрывается драма субъекта логики, попадающего в ситуацию распада мысли, распада логики, попадает в ситуацию логической пустоты, катастрофы. Если зазор, раскол переходит некоторый порог, то возникают «опасности», «угрозы» [3, с. 203]. Это узловым пунктом концепции, далеко выхо-

дящей за рамки логики. Очевидно этот зазор, раскол совершенно особое явление жизнедеятельности человека, свидетельство весьма важного явления. Любые логические конструкции, которые нацелены на обеспечения единства, тождества движения от частей к целому и одновременно от целого к частям, если они выступают как содержание двойной детерминации, в результате усложнения мира, усложнения проблем очевидно выявляют свою ограниченность. Зазор несет в себе эту двойственность. С одной стороны в нем «гнездятся разум и воля» [4, с. 89]. Он стимул свободы, стимул развития способности преодолевать культуру, понимаемой как рок [5, с. 88], как заданный, не подлежащий критике абсолют, как стимул предотвращения логической катастрофы, опасности. Здесь заложен стимул трансдукции, потенциал новой логики, нового разума, способного предотвратить опасность, повернуть назад ее рост. Трансдукция есть результат стимула, идущего от угрозы логической катастрофы, результат доведения до крайности логики доминирующего разума. Но, с другой стороны, они источник «опасности», «угрозы», возникающие в рамках логики. Зазор, раскол несут угрозу разрушения. Если люди не находят выхода из этой двойственности в рамках старой логики, а именно эта ситуация попадает в сферу концепции Библера, то выход остается искать в формировании новой логики, где она реализуется как важнейшее проявление человеческой свободы.

Можно предположить, что судьба логических катастроф мало волнует, людей, не входящих в узкий круг профессионалов в этой области. Однако значение этой проблемы далеко выходит за рамки логики и грозит каждому дому, каждому человеку. Превращение почти никому неизвестного логического раскола в логическую катастрофу не ограничивается логикой. Глубоко расколота логика приводит к тому, что в ней может сформироваться катастрофический потенциал, который переходит из логики в такого рода произведения, как проекты, программы, решения. Но тем самым логические катастрофы превращаются в социокультурные, вплоть до гибели государства, распада общества, т. е. в проблему целого, которое не может удержать множество своих частей и одновременно в проблему множества, которое не в состоянии воспроизвести свое целое. Об исключительной практической важности этой казалось бы чисто теоретической проблемы, о необходимости развития методологической основы ее разрешения говорит наука, в которой такие понятия как «опасности», «угрозы», «риски» становятся все более важными, практически значимыми. Они превращаются в предмет нарастающего беспокойства и изучения [См. напр., 6]. Библер раскрывает логическую основу этих процессов. После работ Библера можно сказать, что философия и наука в своих исследованиях идут навстречу друг другу, смыкаясь в пункте угроз, опасностей, катастроф. Библер не ставил себе задачу создать теорию, решающую эту задачу, но он создал для этого общеметодологическое основание. Здесь его стимулировали личные переживания катастро-

личности ситуации. Он писал в работе, которая вышла в 1990 г., на излете советского периода, что он с трудом пытается писать, пытаясь избежать ужас «перед надвигающейся катастрофой», рассуждения по схеме «грозящая катастрофы и как с ней бороться...». Он пишет «о разрушении самих основ человеческого бытия», о «наших невыносимых ужасах» [7, с. 335, 348]. Именно это проблема, освоенная на философском уровне, и стала делом жизни философа. Без сомнения, что специфика мотивации радикального поворота философской мысли Библера связана с современной далеко продвинутой попыткой ответить на катастрофический исторический опыт как мировой, так и российской истории.

Обостренный интерес к катастрофическим возможностям логики человеческой мысли и в конечном итоге деятельности позволяет специально рассматривать концепцию Библера как основу нового подхода к изучению общества. В ней на первый план выходит его осмысление как формы реализации коренной специфики человека. Никому до Библера не приходило в голову рассмотреть общество, человеческие отношения с точки зрения уже упоминавшейся специфики человека, как субъекта логики самодетерминации. Он выдвинул идею, что цивилизация есть некий своеобразный прибор, инструмент, призма, обеспечивающая непрерывное обращение смысловой детерминации в причинную и наоборот. Этот переход и придает по Библеру целостность всем феноменам и граням соответствующей исторической эпохи [2, с. 285]. Сфера цивилизации это, прежде всего, частная жизнь, не сводимая к общим процессам. «Интервал» частной жизни, все более сосредотачивает в себе малые усилия человека, где они сжимаются до предельной точки, что может побудить человека к культурному творчеству, к формированию культуры. Происходит «разгон» и затем прыжок в культуру. Он рассматривается как результат стеснений со стороны цивилизации. Это позицию нельзя признать бесспорной, так как такое сжатие может разрушать культуру и подавлять творчество. Библер писал, что «гнет обстоятельств настолько подавляющ, что мы не решаемся осознать свою тайную свободу» [7, с. 347]. В результате такого сжатия возможно обратное движение, когда разум превращается в рассудок, в здравый смысл, нравственность усыхает. Возможны выбросы культурно-варварской аннигиляции, [2, с. 295] бегство в якобы спокойное крепостное прошлое [2, с. 296-297]. Он пишет, что в результате серьезных социальных сдвигов «наружу сразу вырывается плазма доцивилизационных стихий...» [7, с. 347]. Я бы назвал этот процесс архаизацией. Тем самым Библер находит в общественной жизни механизм раскрывающий или наоборот подавляющий возможности формирования произведений. Без этого механизма, без цивилизации невозможно функционирование культуры. Цивилизация превращается в культуру, культура в цивилизованную вещь [2, с. 289]. Сдвиг в эпицентр культуры оказывается вне цивилизационных креплений [2, с. 294]. "Культура, по определению Библе-

ра, это всегда общение внутри небольшой группы, определяемой архитектурой некоего доминантного в соответствующей цивилизации произведения. Например, античная трагедия пронизывает все отношения античного общества, жизнь полиса [2, с. 313]. Каждая цивилизация, по Библеру, несет в себе свой собственный схематизм, возможно свое доминантное произведение, например, трагедия в античном мире. Эта идея весьма соблазнительная, как бы стимулирующая поиск в каждой стране своего произведения как основы самоидентификации. При этом, однако, нельзя не учитывать, что по Библеру, произведения есть процесс, что неизбежно приводит к смене произведений. Это может происходить в рамках одной цивилизации, а также приводить к их смене.

В принципе анализ общества с точки зрения способности людей к самодетерминации является важнейшей догадкой о формировании нового основания науки об обществе. Произведения в широком смысле и есть по Библеру культура общества, в конечном итоге само общество. Нужна особая методология получения обоснованного вывода о специфике динамики общества, цивилизации на основе самодетерминации, о специфике произведений изменяющих общество, что по Библеру происходит в процессе изменений взаимоотношения культуры и цивилизации. Подход к механизму единства и одновременно расхождения цивилизации и культуры, поиск соответствующего схематизма представляет неоценимый интерес для России - страны, цивилизационная специфика которой вызывает постоянные споры. Эта неясность является серьезным препятствием для поисков путей преодоления кризиса страны, поисков ее потенциалов.

Переход самодетерминации общества в произведение, призванное предотвратить ее негативные последствия, требует формирования личности - создателя сложных произведений, основанных на глубоком внутреннем диалоге, что имеет далеко идущие последствия для общества. Этот внутренний диалог личности, формирующий произведения, неотделим от внешнего диалога людей друг с другом, что является содержанием изменений общества. Например, формирование произведений включает общение индивидуальных независимых субъектов собственности, включающих мысленный, «правовой отсыл» к добровольной воле индивида, что является, по Библеру, основой энергии, активности, жизни всех. Библер делает упор на труд и общение в малых группах социума культуры (всеобщий труд). На этой основе он полагает, что «необходимо заново - из недр гражданского общества - сформировать государство» [7, с. 357] (написано в 1990 г.). По Библеру основная деятельность наших общественных организаций должна быть направлена не столько «вверх» на то, чтобы исправлять и направлять правительственные программы сколько «окрест нас», на микроструктуру обществ, укрепляя и развивая независимость общества от государства. Система наших общественных организаций должна стать своего рода «ДНК» «зародышевой плаз-

мой» развитых форм гражданского общества. Необходимо движение за гражданское общество. Оно должно включать форум (диалог) общественных сил: крестьянских союзов профсоюзов кооперативных союзов творческих объединений союзов интеллигенции государственных сил. «Здесь происходит с одной стороны, ускоренная кристаллизация действительных особых социальных интересов, а с другой, выработка консенсуса, временных и более постоянных соглашений, общих предложений и т. п.» [7, с. 358]. Должен развиваться «форум (или - диалог) гражданских программных клубов», разрабатывающих свои программы и инициативы. Как бы эти группы не были малочисленны, они должны нести в себе необходимые ядра, всеобщие определения гражданского общества. Иначе говоря, необходима ориентация на создание форм, постоянно открытых для формирования произведений, одновременно для развития самооценности личности, создания предпосылок для поисков пути решения этой проблемы через развитие способности к диалогу, способности формировать произведения в самом широком понимании этого слова. Иначе говоря, формирование произведения переходит в общественный процесс, точнее общественный процесс составляет аспект этого процесса. Из этого следует, что политические процессы, диалоги между политическими силами должны исследоваться и как особая форма произведений, как результат творческого общения (или попытки отказа от творчества, попытка возврата «к доцивилизационной стихии»).

Важнейшая идея, пронизывающая все, написанное Библером, заключается в том, что мысль всегда направлена на будущее. В этом каждодневная надежда человека на воспроизводство выживаемости, жизнеспособности. Но в этом заключена и серьезная опасность. Мысль может стать проводником утопий, исторической инерции, архаичных мифов, возможно приобретающих псевдонаучные формы «исторической необходимости», что несет угрозу сложному динамичному обществу, несовместимому с архаизацией. Для ее преодоления в современном мире, как полагает Библер, необходим массовый переход к диалогическому разуму. Эта проблема не решается образованием, приобщением к историческому богатству культуры, но требует массовой способности творческого выхода за рамки сложившейся культуры. Недостаточное развитие соответствующей способности усиливает риск для субъекта оказаться неспособным эффективно ответить на вызов российского опыта XX века, главными событиями, которого были две национальные катастрофы. Проблема, однако, в том, что философия лишь показывает определенную возможность, вектор решения проблемы, метод их реализации, но конкретизировать, развивать, решать проблему могут лишь люди, самоорганизующиеся в общество, в малые группы.

Философия Библиера указывает на жизненную важность напряженной ориентации на высшее, на способности, на потенции человека. Эта философия - форма осознания человеком, что он может суще-

ствовать, воспроизводить себя лишь самореализуясь, как субъект высших форм личного квалифицированного, ответственного саморазвития, достигающего до глубин способности постоянного наращивания потенций поиска нового Разума, новой логики, точнее потенций, способности к развитию этой способности. Библер показал, что путь к истине труден и долог, что освоение результатов этого пути возможно также трудно, что раздражает многих требованием выхода за рамки расхожих повседневных представлений. Это можно понять. Но следует понять и другое, что без освоения нарастающего в разных точках интеллектуального богатства стран и народов, человечество не сможет справиться с нарастающими опасностями, реальными и потенциальными катастрофами.

- 1.
2. *Библер В. С.* Замыслы: В 2 кн. - М., 2002.
3. *Библер В. С.* На гранях логики культуры. - М., 1997.
4. *Библер В. С.* Кант - Галилей - Кант (Разум Нового времени в парадоксах самообоснования). - М., 1991.
5. *Библер В. С.* Самостоянье человека. «Предметная деятельность» в концепции Маркса и самодетерминация индивида. - Кемерово, 1993.
6. *Библер В. С.* От наукоучения - к логике культуры. Два философских введения в двадцатый первый век. - М., 1991.
7. *Я нищий О.Н.* Россия: экологический вызов (общественное движение, наука, политика). - Новосибирск, 2002; *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. - М., 2000.
8. *Библер В.* О гражданском обществе и общественном договоре // Через тернии. - М., 1990.